

Хоть сейчас и было странно, он всё же гордился своей осведомлённостью и сказал:

— Ну, целоваться, трогать друг друга, а потом... потом в задницу делать, очень приятно!

Говоря так и вспоминая ту ночь, он становился всё возбуждённее, глаза его пристально уставились на белое обнажённое тело юноши в комнате, не отрываясь ни на миг.

Пока они разговаривали, снаружи донёсся оклик. А-Гоу вздрогнул, поспешно встал, подхватил ларец, натянул рубаху и стремяглав бросился наружу. Вдруг он что-то вспомнил, обернулся и спросил:

— Эй! А тебя как зовут?

Юноша немного помедлил, тихо ответил:

— Фусян.

— Фусян, Фусян... И вправду имя странное, — громко рассмеялся А-Гоу в ответ. — А меня А-Гоу зовут, запомни!

Сказал и пулей вылетел вон.

Остался юноша по имени Фусян, тихонько бормоча про себя:

— А-Гоу...

Вскоре появился мужчина в роскошных одеждах, лицом похожий на Фусяна раз на семь, только постарше, с суровым выражением лица, явно человек средних лет. Он нажал на потайной механизм, открыл дверь, вошёл, сам взял с стола маленькую курильницу, посмотрел на неё и только потом сказал:

— Даю тебе ещё десять дней. Если не создашь — дух твой развею!

Сказал, развернулся и вышел, снова тщательно закрыл дверь, не обращая на Фусяна никакого внимания.

Сказать к слову, семья Се из Сучжоу, что благовониями промышляла, породила мастера парфюмерного искусства, который на состязании ароматов одержал победу и прославился на весь мир, бизнес же их невероятно разросся. На полях семьи Се работал юноша по имени А-Гоу, лет шестнадцати-семнадцати. Управляющий, пожалев его, взял с собой по делам в большую усадьбу Се, велел побегать, поручения выполнить. Однако усадьба была огромной, А-

Гоу же с пути постоянно сбивался и в итоге наткнулся на обнажённого юношу.

И странное дело — всего одна-две встречи, а А-Гоу уже не мог забыть того юношу по имени Фусян. Днём думал, не говоря уже о ночах, когда ему снились сны. Снилось ему, будто идёт он один по полю, случайно видит впереди двух деревенских, что встречаются безо всякой стеснительности, и поспешно подбегает поглядеть. Только засмотрелся, как вдруг сплетённая парочка поднимает на него глаза, и тот, что сверху, оказывается с его лицом, а тот, кого придавили, — Фусян!

Ой-ой, как же он перепугался, А-Гоу так и подскочил на постели. Снаружи было темно, сам же он лежал на своей соломенной лежанке, и только тогда понял, что это, наверное, сон, наваждение.

Уже собирался снова заснуть, как почувствовал неладное, потянулся рукой вниз — ой, вот беда, насквозь мокро.

Делать нечего, пришлось на цыпочках подняться, снять штаны и, притаившись у стены, тереть. Чем больше тёр, тем сильнее разгорался огонь внутри, выпятил ягодицы и, представив себе образ Фусяна, проделал это ещё раз.

А-Гоу как раз был в возрасте семнадцати-восемнадцати лет, когда силы бьют через край, не то что жар в крови, так ещё и нрав не устоявшийся. Раньше ему, чтобы за больной матерью ухаживать да малых братьев-сестёр кормить, было не до мыслей о деревенских нежных девицах. А тут на тебе, подвернулся такой случай, и белоснежное юное сердце его с первого взгляда прикипело, влюбилось без памяти.

Дней семь-восемь он ни есть, ни пить не мог, даже его дядя заметил неладное. В полдень, присев на краю поля, наблюдая, как А-Гоу работает, завёл разговор:

— Ты это последние дни о чём всё думаешь?

А-Гоу деревянно помотал головой. Дяде показалось скучно, он плюнул, обзвав его болваном, и пошёл к соседям трепаться.

Управляющий издали заметил это и не обрадовался. Засунув руки за спину, подошёл неспешным шагом и сказал тому дяде:

— Коли работать не хочешь, я тебя и рассчитаю. А-Гоу парень сильный, я его на поле оставлю, а ты ступай.

Дядя так перепугался, что бросился отбирать сельхозинвентарь, полез на поле работать, да ещё и взмолился:

— Управляющий, сжальтесь над моей старухой да малыми детьми, я сейчас буду работать, сейчас буду.

А-Гоу, у которого отобрали инструмент, стоял посреди поля, не зная, что делать. Только когда управляющий окликнул, он и пошёл за ним, оставив дядю под палящим солнцем землю оборонить, да вполголоса ругаться — прислушаешься, так он всех предков управляющего до восемнадцатого колена помянул.

Когда дошли до тенистого места, управляющий сказал:

— Ты так за дядю работаешь — много ли медяков зарабатываешь? Вижу я, крепкий ты парень, оставайся-ка лучше на полях, перевозками занимайся. Буду платить как постоянному работнику, один лян серебра в месяц. Что знатные господа в награду дадут — себе оставляй. Согласен?

Даже совсем несмышлёный понимал бы, что управляющий добр, и А-Гоу от души его поблагодарил.

Управляющий, видя, что тот сообразительный, про себя кивнул, решив, что не ошибся в человеке, и велел:

— Как раз сегодня осенний урожай в усадьбу отправлять, пойдёшь со мной.

А-Гоу с готовностью согласился, обрадовался, но вдруг вспомнил о Фусяне и осторожно спросил:

— А скажите, управляющий, знаете вы, кто в большой усадьбе, в западной части, во втором дворе живёт?

Старый управляющий был домашним слугой в семье Се, рождённым в усадьбе, и не было в усадьбе Се вещей, которых бы он не знал. Услышав вопрос, нахмурился, подумал о том месте и сказал:

— Там, кажись, никто не живёт. Это место раньше...

Не успел договорить, как впереди кто-то позвал, управляющий сосредоточился и, захватив А-Гоу, поспешил туда, забыв об этом разговоре.

А-Гоу остался с недоумением в сердце, но спрашивать снова не посмел, боясь надоесть. Сердце так и чесалось, не по себе было. Потом подумал: раз уж теперь в усадьбу часто бывать буду, обязательно хоть краешком глаза увижу. Сам-то он, конечно, такому нарядному, словно из яшмы выточенному, бессмертному с небес спустившемуся созданию не пара, но хоть украдкой одним глазком взглянуть — и то хорошо.

Юная зелёная ветвь, первая в жизни влюблённость — в сердце щемящая кислинка, рождается незнакомое доселе чувство.

Когда всё приготовили, группа работников погнала мулов и лошадей знакомой дорогой к задним воротам на разгрузку. Был полдень, солнце в зените, во дворе все ленились, кучковались по трое-пятеро, болтали. Управляющий, человек добрый, пожалел работников, велел переждать полуденный зной в тени, а уж когда солнце спадёт, тогда и идти. Только одно — за пределы заднего двора не выходить, чтобы знатных господ не потревожить.

Все согласились, каждый нашёл местечко — кто отдохнуть, кто в кости перекинуться, в общем, мирно.

Один лишь А-Гоу, едва ступив за служебные ворота, так и заходился, места себе не находил. Боялся, что заметят, изо всех сил старался выглядеть спокойным, а внутри уже на небеса порывался, так и хотелось птицей обернуться, захлопать крыльями и полететь Фусяна искать.

Теперь же, выкроив время, и вовсе не мог усидеть, огляделся — никто на него внимания не обращает, — тихонько согнулся и выскользнул со двора, напрямик к западным дворам, ко второму.

Дворик выглядел так же, ни души. И странно это было. Судя по внешности Фусяна, с нежной кожей да бархатным телом, хоть и юн, но всё же из господ. А во дворе никого прислуживающего. Да и в ясный день все окна да двери на запоре, одного только Фусяна голым в комнате заперли — очень уж странно.

Но А-Гоу сейчас горел нетерпением, не до того было, только о встрече и думал, так что шаги его не замедлились.

Подойдя к двери, принялся осторожно звать:

— Фусян? Фусян?

Долго ждал, пока не донёсся обрадованный отклик:

— А-Гоу?

Оказалось, Фусян его запомнил. А-Гоу расплылся в улыбке, белые зубы сверкнули, он по-дурацки почесал затылок:

— Ага!

Тот, Фусян, услышав, тоже засмеялся без умолку. Разделённые дверью, они стояли и глупо

ухмылялись друг другу, и между ними зародилась некая привязанность. Отсмеявшись, Фусян сказал:

— Подойди к щели, я на тебя посмотрю.

А-Гоу сделал два шага вперёд, но вдруг остановился и осторожно спросил:

— А я внутрь зайти не могу? Тебя увидеть?

Изнутри вдруг наступила тишина. А-Гоу решил, что переступил границы, и поспешно заговорил:

— Не зайду, не зайду, ты не сердись!

Прошло немало времени, А-Гоу уже жалел, готов был головой об косяк расшибиться, как вдруг Фусян сказал:

— Ты... на правой стене, на высоте в один чжан, там задвижка.

А-Гоу, обрадовавшись, что Фусян с ним ещё говорит, послушно сделал, как велели. Вскоре нащупал дверную задвижку, повернул её — раздался лёгкий щелчок, и дверь чуть приоткрылась.

<http://bllate.org/book/15099/1411730>